

**Письменные тексты на бесписьменных языках
как социолингвистический феномен
(на материале чалканского и алюторского языков) ***

Т. А. Голованева, Н. Н. Федина

ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ СО РАН

Аннотация. Чалканский и алюторский языки не являются родственными, однако в настоящее время они находятся в сопоставимых социолингвистических условиях неравномерного дву- и трехязычия. Графическая система бесписьменных чалканского и алюторского языков находится на начальном этапе становления, который осложняется влиянием письменной нормы доминирующего языка. Рукописные и опубликованные материалы на чалканском и алюторском языках демонстрируют вариативность графического оформления национальных текстов. Сложность представляет выбор графем для передачи специфических звуков национальной речи. Для алюторской графической системы пока не решены вопросы отражения на письме сверхкраткого гласного [ə], спиранта [ɣ], глоттального смычного согласного [ʔ] и эпиглоттального смычного [ʕ]. Проблема графической вариативности письменной формы чалканского языка обусловлена двумя причинами: отсутствием графем для передачи специ-

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 17-78-20185) «Текст в культуре этноса как фактор сохранения идентичности народов сибирско-дальневосточного региона» (рук. Н. Н. Федина).

Голованева Т. А., Федина Н. Н. Письменные тексты на бесписьменных языках как социолингвистический феномен (на материале чалканского и алюторского языков) // Критика и семиотика. 2020. № 2. С. 167–190.

ISSN 2307-1737. Критика и семиотика. 2020. № 2
© Т. А. Голованева, Н. Н. Федина, 2020

фических звуков чалканской речи *э* [ʏ], *жэ* [ʒʷ], *кэ* [q], *нэ* [nʷ] и влиянием орфографических норм алтайского литературного языка.

Ключевые слова: тюркские языки, чалканский язык, чукотско-камчатские языки, алюторский язык, бесписьменный язык, миноритарные языки, исчезающие языки, ревитализация языков, языковое поведение, письменность.

УДК 811.512.15+811.551.3:81ʹ35

DOI 10.25205/2307-1737-2020-2-167-190

Контактная информация:

Голованева Татьяна Александровна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия, gta-77@mail.ru)

Федина Наталья Никитовна, кандидат филологических наук, научный сотрудник Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия, natfedina@yandex.ru)

Данная статья посвящена выявлению проблемных вопросов становления письменности на исчезающих языках двух малочисленных этносов РФ: чалканцев и алюторцев. Изучение процессов этнокультурной идентичности с опорой на устные и письменные тексты является актуальным для коренного населения сибирско-дальневосточного региона, в особенности для малочисленных этносов. В социальных условиях «языкового сдвига», связанного с увеличением роли доминирующего языка и культуры, документация исчезающего национального языкового наследия, а также изучение процессов изменения языков в кризисных условиях его бытования – одно из важных направлений социолингвистики.

Актуальную сферу исследования представляет собой анализ языковых процессов, наблюдаемых в ходе формирования письменной языковой культуры бесписьменных языков. В данной статье механизмы становления письменной культуры в условиях неравномерного двуязычия рассматриваются на примере двух бесписьменных языков: чалканского и алюторского. Чалканский и алюторский языки не являются родственными, однако в настоящее время они находятся в сопоставимых социолингвистических условиях.

Чалканский входит в хакасскую подгруппу уйгуро-огузской группы восточно-хунской ветви тюркских языков [Баскаков, 1952], алюторский относится к чукотско-камчатской языковой семье [Бурлак, Старостин, 2005, с. 341]. Вплоть до начала XXI в. чалканский и алюторский языки было принято рассматривать в качестве диалектов: язык чалканцев относился к северному диалекту алтайского языка [Баскаков, 1985, с. 9], а язык алюторцев – к диалектам корякского [Стебницкий, 1934; Жукова, 1980]. Однако чалканский и алюторский языки имеют значительные отличия от

норм соответственно алтайского и корякского языков [Радлов, 1866; Баскаков, 1985; Пустогачева, 2008; 2014; Федина, Широбокова, 2019; Мальцева, 1998; 2006; Кибрик и др., 2000; Нагаяма, 2003], что дает основания рассматривать их как отдельные языки, а не как диалекты. Такой подход позволяет наиболее полно отражать фонетические, грамматические и лексические особенности языковых традиций малочисленных этносов, а также повышает социальный статус исчезающих бесписьменных языков. Чалканский¹ и алюторский² языки включены в «Красную книгу языков народов России» [Красная книга..., 1994, с. 6, 15–16, 64–65; Языки народов России..., 2002, с. 28–31; Письменные языки..., 2003, кн. 1, с. XLVII]. В 2000 г. алюторцы и чалканцы в ряду других исчезающих этносов законодательно получили статус коренных малочисленных народов РФ³.

В языках с несформировавшейся письменной традицией (чалканском и алюторском) наблюдается наличие нескольких параллельно существующих авторских вариантов графического оформления национальных текстов, что обусловлено особенностями начального этапа становления письменности на них. Для первых этапов развития письменности характерна «произвольная графическая фиксация каждым пишущим собственной устной речи, в течение этого периода каждый грамотный человек участвует в формировании орфографии» [Волков, 1982, с. 66]. Немецкий лингвист

¹ По данным Всероссийской переписи 2010 г., чалканцев насчитывается 1 181 человек [https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/perepis_itogi1612.htm]. Как показывают результаты экспедиционного исследования, проведенного в 2015 г., большинство чалканцев предпочитает при общении русский язык, несмотря на то, что идентифицируют себя чалканцами. В с. Курмач-Байгол, где массово проживают носители данного языка, дети до 15 лет в основном говорят между собой и с другими на русском языке. Некоторые из них знают чалканский язык, но, тем не менее, предпочитают говорить на русском. Многие родители говорят с детьми только на русском языке, что обусловлено социальным престижем доминирующего языка. По нашим наблюдениям, в настоящее время чалканским владеет среднее и старшее поколение, нижний возрастной порог носителей чалканского языка – около 25 лет (ПМ Н. Н. Феединой, 2015).

² В отчете Всероссийской переписи населения 2010 г. этноним «алюторцы» не упоминается, так как владеющие алюторским языком идентифицируют себя как коряки. По подсчетам японского языковеда Ю. Нагаяма, около 200 человек в 2015 г. являлись носителями алюторского языка, все они проживают в Камчатском крае, возраст самых молодых носителей составлял около 50 лет [Нагаяма, 2015, с. iii]. По шкале степени витальности языка, учитывающей наличие / отсутствие его передачи от родителей к детям, количество говорящих и возраст младших носителей языка, алюторский квалифицируется как язык, находящийся в опасности [Казакевич, Кибрик, 2010, с. 27]. Идиом «алюторский язык» объединяет диалекты оседлых коряков-нымылан [Трушкова, 2003а, с. 30].

³ Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации (утв. постановлением Правительства РФ от 24 марта 2000 г. № 255). URL: <https://base.garant.ru/181870/> (дата обращения 29.02.2020).

Г. Пауль (1846–1921) определял начальный период становления письменности как период, «когда каждый пишущий работает еще самостоятельно, внося свой собственный вклад в создание орфографии» [1960, с. 449].

Лояльная издательская политика РФ позволяет публиковать и тиражировать тексты на бесписьменных языках в авторской редакции. Такая свобода издательской деятельности в советское время была недопустимой, в условиях языковой унификации творческие устремления носителей исчезающих языков долгое время оставались без государственной и общественной поддержки. Борьба за чистоту национального литературного языка оборачивалась борьбой против языков малочисленных субэтнических групп⁴.

Политическая ситуация в нашей стране изменилась. В настоящее время внутригосударственная политика РФ ориентирована на поддержание языкового разнообразия страны. В социолингвистических исследованиях процесс национально-языкового развития в России начала XXI в. определяется как «новый этап языкового строительства» [Михальченко, 2003, с. XIII]. В условиях, когда представители исчезающих этносов получают дополнительные льготы, а их языки охраняются законом, наблюдается расширение функций исчезающих языков. Так, в последнее время целый ряд диалектов и языков народов Севера впервые обрел свою письменность⁵. Витальность

⁴ На Камчатке широко известна история создания авторского словаря алюторским писателем Кириллом Килпалиным. В 1980-е гг. в Корякском автономном округе национальные издания выходили только на диалекте кочевых коряков-чавчуменов, который имеет значительные отличия от языка алюторцев. Сказки, написанные писателем и художником Кириллом Килпалиным на родном алюторском языке, были переведены на корякский и опубликованы уже в измененном виде и фактически на другом языке [Килпалин, 1986]. В 1988 г. К. В. Килпалин подготовил словарь языка береговых коряков-нымыланов. С надеждой он писал в отдел Севера Камчатского облисполкома: «Надо будет напечатать книгу “Нымыланско-русский словарь” <...> словарь такой ценный, такой необходимый, такой долгожданный, его ждут, надеются на его появление <...> То, что мы детей учим по учебникам несостоятельным по нымыланскому словарю, преступление» [Килпалин..., 2010, с. 253, с. 262]. Словарь так и не был опубликован. К. Килпалин был вынужден отступить от своих замыслов. Не имея возможности публиковать свои авторские сочинения на алюторском (нымыланском) языке, он принял решение писать только по-русски: «Я не могу печатать на нымыланском языке новые сказки и рассказы до тех пор, пока справедливость и ясность не будут в корякской речи. <...> Не хочу быть преступником, гадить родной язык, не могу предстать недостойным перед детьми, школой! Останусь лучше честным. Лучше буду писать на русском языке сказки и рассказы новые» [Там же, с. 264]. Авторский словарь не был издан, так как представленная в нем система записи алюторской речи противоречила утвержденным нормам корякского языка, который должен был стать (но так и не стал!) единым языком для всех камчатских коряков.

⁵ Краткий обзор «литературных микроязыков» народов Севера, появившихся в последнее время, представлен в статье [Бурыкин, 2014].

языка обусловлена объемом его основных функций, поэтому принципиально важной сферой для поддержания жизнеспособности языка является развитие письменной культуры на нем. Устная форма реализации языка поддерживается письменной, которая позволяет фиксировать, распространять, делать доступными для изучения образцы национальных фольклорных и индивидуальных текстов.

Чалканский и алюторский языки до сих пор имеют статус бесписьменных, несмотря на то что к настоящему моменту появилось достаточное количество публикаций на них ⁶ (издания на чалканском языке: [Кандаракова А. М., 2008; 2013; 2016а; 2016б; Кандаракова Е. П., 2013; 2016; 2017; Алтайский фольклор..., 1988; Пустогачева, 2008; 2014; Сумачакова, 2005]; издания на алюторском языке: [Килпалин, 1993; Килпалин..., 2010, с. 196–222; Нагаяма, 2015; Сорокин, 2015; 2016; Мифологические сказки..., 2017; Богоявленская, 2019]). В данных изданиях национальная речь отражена в соответствии с индивидуальными предпочтениями автора, составителя или редактора. Отсутствие единообразной графической системы порождает разнообразие вариантов записи национального текста. Казалось бы, тиражирование текстов в авторской графике должно тормозить развитие национальной письменной культуры [Нагаяма, Пронина, 2017, с. 51], но в реальности происходит обратное: политика языковой лояльности способствует поддержанию языка. Носители исчезающего языка, имея возможность бесцензурно публиковать тексты в собственной графической системе, получают дополнительный стимул для реализации своей языковой компетенции с учетом своего говора и диалекта. Создание и публикация авторских текстов оценивается пожилыми людьми как реальная возможность передать свои знания ⁷.

В настоящее время, в начале XXI в., графическая система бесписьменных чалканского и алюторского языков находится на начальном этапе становления. Для языков с развитой письменностью вариативность орфографии оценивается негативно: «Варианты признаются закономерными на всех уровнях языка, кроме орфографии, где они воспринимаются как ре-

⁶ В фундаментальной энциклопедии «Письменные языки мира: языки Российской Федерации», вышедшей в 2003 г., отмечен бесписьменный статус алюторского языка: «Письменности на алюторском языке не существует. <...> Серьезных попыток создать письменный (стандартный) вариант собственно алюторского языка не предпринималось» [Трушкова, 2003а, с. 30, 31]. Показательно, что к этому времени на алюторском языке в авторской редакции вышло одно издание [Килпалин, 1993], а также ряд газетных публикаций камчатского журналиста В. М. Нутаюлгина.

⁷ В последние годы наблюдается следующая тенденция: возрастные носители исчезающих языков составляют авторские словари [Тынетэгин, 2019], записывают тексты на национальном языке, в некоторых случаях их инициативу поддерживают и на государственном уровне [Богоявленская, 2019].

зультат ее неупорядоченности» [Бешенкова, 2008, с. 194]. По отношению к бесписьменным языкам спорна сама возможность применения термина «орфография», если понимать ее как систему правил нормативного написания, не отражающего звучания слова [Бурькин, 2014, с. 65]. Применительно к младописьменным и бесписьменным языкам термин «орфография» трактуется несколько иначе: «Орфография – это исторически сложившаяся система *единообразных* написаний, которая используется в письменной речи» [Немысоева и др., 2014, с. 3]. Высокая степень устойчивости орфографической нормы редко, но все же, может быть присуща и младописьменному языку, например, тувинскому [Байыр-оол, 2019, с. 194]. Рукописные и опубликованные материалы на чалканском и алюторском языках демонстрируют вариативность графического оформления (табл. 1). Отсутствие унифицированной системы национальной письменности является доказательством бесписьменного статуса языка.

И чалканцы, и алюторцы, владея навыками чтения и письма на доминирующем языке, для передачи своей национальной речи используют различные комбинации кириллических букв. Вариативность графики в рукописях и публикациях на данных языках наблюдается в тех случаях, когда на письмо необходимо отразить специфические звуки национальной речи (соответствующие примеры представлены в табл. 2, 3).

Для алюторской графической системы проблемным является вопрос отражения на письме сверхкраткого гласного [э]. В корякском языке для обозначения данного звука используется русская буква *ы*. Однако при записи собственной речи этнические коряки-чавчувены, так же как и коряки-алюторцы, зачастую не отмечают звук [э], что объясняется краткостью его звучания: коряк. [kə^hkak] *кльџак* вместо норм. *кыльџак* 'ракушка' [Молл, 1960, с. 55]; [wəjɛŋtok] *в'ъеуток*, вместо норм. *в'ыеуток* 'выдыхать, дышать' [Там же, с. 19]. При подготовке текстов к изданию на алюторском языке носители этого языка могут использовать для обозначения краткого гласного звука [э] букву *ы* (М. И. Попов, А. А. Сорокин). Проблема заключается в том, что, приняв такое решение, сами они нередко от него отступают, поэтому вариативность наблюдается даже в пределах одного издания, например: *гнин*, *гынин* 'твой' [Килпалин, 1993, с. 21, 33]; *уьвулат*, *увулат* 'они начали' [Там же, с. 12, 13; Мифологические сказки..., 2017, с. 90, 82].

В. М. Нутаюлгин для обозначения сверхкраткого гласного звука использует графему *э*, благодаря чему разработанная им авторская графика алюторского языка наиболее системна: *уэвулат* 'они начали' [Килпалин..., 2010, с. 204], *намэлы* 'нымыланы, береговые коряки' [Там же, с. 201]. Однако распространению авторской графики В. М. Нутаюлгина препятствует негативное отношение к ней со стороны возрастных носителей алюторского языка, для которых введение новых графем еще больше осложняет восприятие письменного текста на алюторском языке.

Варианты графического оформления текстов на чалканском и алыторском языках

Таблица 1

Table 1

Graphic Versions of Chalkan and Alyutor Texts

Автор, составитель	Национальный текст	Перевод
На чалканском языке		
Е. П. Кандаракова	1. <i>Пурун-пурун полтыр...</i> [Алтайский фольклор..., 1988, с. 72]. 2. <i>Ол тавышка шожан тьяа ойгон келзе, айландыра кёрзё, пир да тьок, ньангыс алында ат туртын.</i> [Алтайский фольклор..., 1988, с. 73].	1. Давным-давно это было, оказывается... 2. Испугавшись этого шума, проснулся, посмотрел кругом: ничего нет, только конь перед ним стоит.
А. М. Кандаракова (ред. О. Н. Пустогачева)	1. <i>Пурун-пурун болтыр...</i> [Кандаракова А. М., 2016, с. 18] 2. <i>Ол слерге жүг ньменен?</i> [Кандаракова А. М., 2016, с. 22]	1. Давным-давно это было, оказывается... 2. Чем она вам плохая?
О. Н. Пустогачева	1. <i>Алында пыр ьяан көк пуга полгон.</i> [Пустогачева, 2014, с. 40] 2. <i>Түйген матап айнық тыннуз ьиме.</i> [Пустогачева, 2014, с. 47]	1. Раньше был большой синий бык. 2. Крот очень интересный живой организм.
М. В. Сумачакова	1. <i>Пурун-пурун полтыр.</i> [Сумачакова, 2005, с. 22] 2. <i>Мен саа пир кижиле жолдо жооктошпо, пир да айтпа deem, жүг керек укпий салдын ен?</i> [Сумачакова, 2005, с. 23]	1. Давным-давно это было, оказывается. 2. Говорил я тебе, ни с кем по дороге не разговаривай, ничего никому не говори, почему ты меня не послушал?

Окончание табл. 1

Автор, составитель	Национальный текст	Перевод
На алыторском языке		
М. И. Попов	<i>Малью ав'ын гатвылин пыттунасыын Оммо. кулвълъылыын ту г'итапгылыын</i> [Килпалин, 1993, с. 117].	Не так давно жил богач Оммо. Многооленный и побеждающий в состязаниях.
В. М. Нутаюлгин	<i>КасиутакВ'асагарунтыматмалкарвиутумак. Милангатткупаматкарвиланмак</i> [Килпалин..., 2010, с. 212].	В Кичиге мы с Васагиргиным славно повеселились. Празднуя, так веселились.
А. А. Сорокин	<i>Г'икувогъатгамганикауналгунагыткеллаткэтэннинцэрвумкэ к, гамгацэрвумкэгунагыткеллаткэт</i> [Сорокин, 2015, с. 23].	Так и начали вдвоем шишки собирать, на всех кустиках кедрача шишки собирают.

Примечание

Кандаракова Анна Макаровна, род. в 1932 г. в с. Курмач-Байгол Турочакского района Республики Алтай, собиратель чалканского фольклора, учитель алтайского языка.

Кандаракова Екатерина Павловна, род. в 1932 в с. Курмач-Байгол Турочакского района Республики Алтай, канд. ист. наук.

Нутаюлгин Владимир Михайлович (алюторское имя *Нутаюлгын*), род. в 1964 г. в с. Вывенка Олюторского района КАО. Камчатский журналист, создатель авторской графики алыторского языка, автор газетных публикаций на алыторском языке, переводчик авторских текстов Кирилла Килпалина, редактор раздела «*Льмуэлю то панынату*» 'Сказки и легенды' [Килпалин..., 2010, С. 196–223].

Попов Михаил Иванович (алюторское имя *Татца*) род. в 1942 г. в с. Анапка Карагинского района Корякского автономного округа, канд. пед. наук, редактор текстов на алыторском языке, составитель и редактор книги Кирилла Килпалина «Аня» [Килпалин, 1993].

Пустогачева Оксана Николаевна, род. в 1958 г. в с. Тюректеч Турочакского района Республики Алтай, канд. пед. наук, редактор текстов на чалканском языке.

Сорокин Анатолий Анатольевич (корякское имя *Юргыкамак*), род. в 1984 г. в с. Тиличики Олюторского района КАО. Лингвист, филолог, составитель и редактор разделов алыторского фольклора в сборниках [Сорокин, 2015; 2016; Мифологические сказки..., 2017].

Сумачакова Марьяна Владимировна, род. в 1978 г. в с. Курмач-Байгол Турочакского района Республики Алтай, учитель алтайского языка.

Таблица 2

Вариативность графического оформления
алюторских звуков речи

Table 2

Variety in Graphic Presentation of Alyutor Sounds

Фонетическая запись	Графема	Транслитерация	Пример
[ə]	–	[yəmno]	<i>эммо</i> [Килпалин, 1993, с. 31]
	ь	[mənʏjɪt]	<i>мнэьйт</i> [Там же, с. 33]
	ъ	[təlajɪ]	тэлайи ‘он шел’ [Там же, с. 19]
	ы	[ŋavakək]	<i>навакык</i> ‘дочка’ [Там же, с. 33]
		[ŋəvʏjɪ]	<i>нывуйи</i> ‘он начал’ [Сорокин, 2016, с. 17]
	и	[nəmjəɾŋ]	<i>нымйиргын</i> [Мифологические сказки..., 2017, с. 52]
	ə		[qəʏi]
		[pəsa]	<i>пэса</i> ‘пока еще’ [Килпалин..., 2010, с. 206]
[ɣ]	ɣ	[ɣiwlin]	<i>гивлин</i> ‘он сказал’ [Сорокин, 2016, с. 17]
			<i>гэмат</i> ‘может быть’ [Килпалин, 1993, с. 21]
	ɣ	[ɣemat]	<i>гэмат</i> ‘может быть’ [Килпалин..., 2010, с. 205]
[ʔ]	ь (после Твердо- рядных согласных)	[amamalvalʔən]	<i>амамалвалын</i> ‘совсем другой’ [Килпалин, 1993, с. 32]
		[ammitəsʔa]	<i>аммитэсьа</i> ‘очень уме- ло’ [Килпалин, 2010, с. 2000]
		[kimitʔaw]	<i>кимитъав</i> ‘одежды’ [Сорокин, 2015, с. 26]

Окончание табл. 2

Фонетическая запись	Графема	Транслитерация	Пример
	ь (после Мягко-рядных согласных)	[valʲʔatətəkən]	вальтатткын ‘находящийся’ [Килпалин, 1993, с. 28]
		[akkikəlʲʔən]	аккикэльэн [Сорокин, 2015, с. 25]
		[misʲʔaŋavu]	Мисьянаву [Килпалин..., 2010, с. 200]
[ʕ]	ɣʹ	[riʕatək]	ригʹатэк ‘радоваться’ [Килпалин..., 2010, с. 201]
	ь	[qamajərʕən]	җамайэръэн [Сорокин, 2015, с. 26]
		[nʕallat]	нъаллат ‘они стали кем-л.’ [Килпалин, 1993, с. 33]
	–	[riʕallat]	риаллат ‘они=обрадовались’ [Килпалин, 1993, с. 29]

Для обозначения аллоторского звонкого заднеязычного спиранта [ʕ] аллоторцы применяют либо букву *ɣʹ* (М. И. Попов, А. А. Сорокин, примеры см. в табл. 2), как это принято в коряжской системе орфографии [Молл, 1960, с. 118], либо графему *ɣ* (В. М. Нутаюлгин), которая традиционно используется в орфографии тюркских языков для обозначения фрикативного звонкого согласного [ʕ]. Однако использование буквы *ɣ* для чукотско-камчатских языков не характерно, исторически не обосновано, а потому, к сожалению, читатели воспринимают здравое предложение В. М. Нутаюлгина негативно.

Для отражения на письме глоттального смычного согласного [ʔ], отсутствующего в коряжской и русской фонетических системах, редакторы аллоторских текстов системно используют *ь* и *ъ* знаки русского алфавита. Для обозначения глоттального смычного согласного после палатализованного согласного используют *ь*: [kərvilʲʔatək] *кəрвилъатэк* ‘веселиться’ [Килпалин..., 2010, с. 201]; [misʲʔaŋavu] *мисьянаву* ‘красавица=женщина’ [Там же, с. 208]; [akkikəlʲʔən] *аккикэльэн*. После непалатализованного согласного и после гласного глоттальный смычный обозначают при помощи *ъ*: [pəttuŋəsʔən] *пəттунъэсъэн* ‘богач’; [ʕakaŋəlʲʔən] *ҕаканэльэн* ‘каюр’ [Килпа-

лин..., 2010, с. 202]; [эпэкʔэллаʔа] *эпэкʔэллаʔа* ‘его мать’ [Там же, с. 209]; [атʔо] *атʔо* ‘да еще’ [Сорокин, 2015, с. 33]. Способ обозначения глоттального смычного [ʔ] при помощи знаков ʔ и ь является удобным, так как он интуитивно понятен читателям, владеющим навыками чтения по-русски. Однако в этом случае на письме появляются сочетания, которые неприемлемы для русской системы орфографии, в частности, наличие знака ʔ после буквы, обозначающей гласный звук: [тэкитʔэп] *тэкитʔэп* ‘я вспомнил его’ [Килпалин..., 2010, с. 212]; [авʔавʔэʔат] *авʔавʔэʔат* ‘они=двое отправились’ [Сорокин, 2015, с. 22], а также наличие ь в анлауте: ь*Мисакэсгин* ‘Красавица=Кичига’ [Килпалин..., 2010, с. 200].

При подготовке текстов на алюторском языке проблемным является отражение на письме эпиглоттального смычного сонанта [ʃ], отсутствующего в корякской и русской фонетических системах. Редакторы алюторских текстов для обозначения согласного звука [ʃ] используют графическое сочетание буквы с апострофом *ʃ'*. Графическое сочетание *ʃ'* присутствует в нормированной системе корякской графики и обозначает гортанный фрикативный согласный [h]: коряк. [hopta] *ʃ'опта*, алют. [ʃopta] *ʃ'опта* ‘тоже’; коряк. [həthəmu] *ʃ'ытг'ыму*, алют. [ʃətʃəmuwwi] *ʃ'ытг'ымув'ви* ‘кости’. Однако обозначение *ʃ'* не принимается многими носителями не только алюторского, но и корякского языка, хотя для последнего графическая система была разработана еще в 1960 г. [Молл, 1960]. Так как корякский язык был исключен из учебной программы школ Корякского автономного округа в период с 1954 по 1979 г. [Трушкова, 2003б, с. 265], носители корякского языка не овладели навыками чтения и письма на нем. Система корякской графики не является интуитивно понятной, и взрослые носители корякского ее отвергают. Являясь билингвами и ориентируясь на правила чтения по-русски, носители корякского и алюторского языков читают графическое сочетание *ʃ'* как [g]: алют. [ʃiʃəp] *ʃ'иг'ын* ‘небо’ читают [gigəp]. В результате происходит искажение фонетического облика слова, и читатели не могут понять прочитанное.

При записи чалканской речи чалканцы применяют буквы русского и алтайского алфавитов. Письменность на алтайском языке основана на кириллице, с добавлением национальных графем: *ǰ, ɳ, ǫ, ǰ*, которые также применимы и для чалканского языка. Изучение алтайского литературного языка было введено в школьную программу всех республиканских национальных школ как обучение родному языку. В результате носители чалканского языка овладели навыками литературного алтайского и при записи чалканской речи применяют графику письменного алтайского языка, приспособив ее к особенностям своей речи. Однако в чалканской фонетической системе есть звуки, отсутствующие в алтайском языке: шумный щелевой заднеязычный непалатализованный согласный [ʃ̥], шумный щелевой переднеязычно-среднеязычный сильнопалатализованный согласный [ʃʷ], малозумный смычно-проточный переднеязычно-среднеязычный

умереннопалатализованный согласный [n'], шумный смычно-взрывной заднеязычно-верхнекорнеязычный непалатализованный глухой согласный [q] при передаче данных звуков речи на письме наблюдается вариативность (см. табл. 3).

Таблица 3

Вариативность графического оформления
чалканских звуков речи*

Table 3

Variety in Graphic Presentation of Chalkan Sounds

Фонетическая запись	Варианты графического оформления	Примеры
[ʏʏ]	ɘ	полгон 'был'; агаиш 'дерево'
	х	полхон 'был'; ахыиш 'дерево'
	ɘ	полгон 'был'; агаиш 'дерево'
[ʒʒ']	ж	анжылар [Кандаракова А. М., 2008. с. 27] үжсинжи; алынжи [Алтайский фольклор..., 1988. с. 60, 88]
	щ	киници 'следом'; тбицинкан 'спрятался' [Сумачакова, 2005, с. 7]
[n']	н	нян 'большой'; немен 'плохой'
	нь	ньеменге [Кандаракова А. М., 2008. с. 28] ньангында [Алтайский фольклор..., 1988. с. 81] ньан 'большой'; ньемжи 'мышь' [Пустогачева, 2014, с. 18]
	нь	ньаан 'большой'; ньемжижек 'мышка' [Пустогачева, 2014, с. 24]
	н	нанмыр 'дождь'; нан 'большой'
[q]	к	калык 'народ' [Сумачакова, 2005. с. 7] айнык 'интересно'; тьок 'нет'; жок 'нет'
	х	тьох 'нет'
	қ	тьоқ 'нет'

* ПМ Н. Н. Феединой. Некоторые слова взяты из архива автора (самозаписи носителей чалканского языка 2015-2019 гг.).

Представленные в табл. 3 примеры демонстрируют варианты графического оформления звуков чалканской речи. Например, в связи с отсутствием графемы для чалканского звука [ʒ'ʰ] носители языка могут использовать графемы русского языка наиболее близкие по звучанию: *ж*, *ц*, но в таких случаях при чтении данных слов даже носители языка могут не точно произносить данное слово.

В рукописных чалканских текстах на вариативность графического оформления также влияют нормы письменного алтайского литературного языка. При записи чалканской речи чалканцы могут руководствоваться правилами алтайской орфографии, которая является кодифицированной и преподается в республиканских школах. Однако при чтении национальных чалканских слов, написанных по нормам алтайской орфографии, наблюдается искажение фонетического облика слова (табл. 4).

Таблица 4

Влияние норм алтайской орфографии
на графическое оформление чалканской лексики

Table 4

Influence of Standard Altai Orthographic Norms
on Graphic Presentation of Chalkan Lexis

Устная чалканская речь (транслитерация)	Вариант самозаписи	Запись на литературном алтайском языке	Перевод
п [pɔly_ьп]	болгон	болгон	‘был’
ть [t'ɔr]	јор	јор	‘ходи’
щ [ʃ'ьк]	чык	чык	‘выходи’
Примеры записи чалканских лексем, оформленных грамматическими показателями алтайского языка			
[köl=ьг]	кӧл=дӧр*	кӧл=дӧр	озера
[paɫ=ьг]	бал=дар	бал=дар	дети

* ПМ Н. Н. Феединой (2017).

В алтайском языке принято в анлауте слов писать графему *б*: алт. *болгон* [bolgon] ‘был’, для чалканского языка в анлауте слов характерен глухой согласный [p] который следует на письме отражать при помощи графемы *п*, но под влиянием норм алтайской орфографии носители чалканского языка при записи своей речи могут употребить нормативный алтайский *б* (см. табл. 4).

В чалканской речи нет звука [ч], но под влиянием алтайского литературного языка носители чалканского языка используют графему ч, хотя произносят *щ*. Например, произносят *щанақ* 'сани', но пишут *чанақ* 'сани'.

Считается, что на начальном этапе развития письменности определяющим принципом создания самозаписей является фонетический [Пауль, 1960, с. 450]. Однако в условиях, когда носители исчезающего языка (билингвы, трилингвы) владеют нормами орфографии доминирующего языка, они применяют эти нормы для записи своей национальной речи. Чалканский материал показывает, что в этом случае происходит искажение не только на фонетическом, но и на морфологическом уровне. Нередко чалканцы, записывая свою речь, используют родную лексику, оформляя ее грамматическими показателями литературного алтайского языка (примеры см. в табл. 4).

Алломорфы показателя множественного числа в чалканском языке отличается от алтайского языка тем, что в чалканском языке после основ на согласный л- далее присоединяется аффикс множественного числа =*лып*, тогда как в алтайском литературном языке =*дар*, =*дер*. Чалканцы при сборе письменных анкет, могут написать аффикс множественного числа с анлаутным согласным д-, как в алтайском языке, а при устном произношении выдавать с анлаутным согласным л- (что свойственно чалканскому языку). С одной стороны, владение письменным литературным алтайским языком показывает уровень грамотности, а с другой стороны, грамотность ведет к вариативности при записи и чтении чалканских слов.

Проблема графической вариативности письменной формы чалканского языка обусловлена двумя основными причинами: 1) отсутствием графем для передачи специфических звуков чалканской речи, 2) влиянием орфографических норм алтайского литературного языка. В итоге носители чалканского языка при чтении записей на чалканском не опознают родную лексику (примеры представлены в табл. 5).

Примеры, приведенные в табл. 3, демонстрируют, что носители языка приспособливают графемы русского и алтайского языков для передачи специфических чалканских звуков речи. Однако за каждой буквой, в соответствии с письменной языковой традицией русского и алтайского языков, уже закреплен тот или иной звук: к [k], б [b]. Владея нормами чтения и письма по-русски и по-алтайски, чалканцы, тем не менее, не могут передать на письме особенности звучания своей национальной речи. Например, запись *бака* 'жаба' будут читать как [baka], в то время как по-чалкански: [paʎ, ä]. В связи с этим при лингвистической подготовке чалканских текстов к публикации мы применяем дополнительные графемы: э [ʎ], жэ [zʰ], қ [q], нь [nʰ], что позволяет более точно передать особенности чалканской речи и избежать вариативности подачи языкового материала.

Варианты записи и чтения чалканской лексики *

Таблица 5

Versions of Writing and Reading of Chalkan Lexis

Table 5

Устная речь (транслитерация)	Варианты само- записи	Чтение самозаписи (транслитерация)	Лингвисти- ческий вариант записи	Перевод
[paɣ, ä]	<i>бака</i>	[baka]	<i>пага</i>	жаба
	<i>пага</i>	[paɣa]		
	<i>паге</i>	[paɣe]		
	<i>пагэ</i>	[paɣä]		
	<i>пага</i>	[paɣa]		
[aɣ, ʙ]	<i>агаиш</i>	[agaʃ]	<i>агыш</i>	дерево
	<i>агыш</i>	[agʙʃ]		
	<i>ахыш</i>	[axʙʃ]		
	<i>агаиш</i>	[aɣaʃ]		
[ʃap]	<i>чап</i>	[hʃap]	<i>щап</i>	бей
	<i>шап</i>	[ʃap]		
	<i>щап</i>	[ʃʰap]		
[n'imz'ʷe]	<i>ньемжи</i>	[n'emzi]	<i>нимже</i>	'мышь'
	<i>њемжи</i>	[n'emzi]		
	<i>ньимже</i>	[n'imze]		
	<i>нимце</i>	[n'imʃʷe]		

* ПМ Н. Н. Феединой (2017).

В чалканском языке наблюдается такой тип языковой интерференции, при котором в устной речи сохраняются его фонетические и морфологические особенности, но при письменной фиксации текстов на нем сами носители языка соблюдают правила и нормы литературного алтайского языка. Для языка, находящегося под угрозой исчезновения, правомерным является издание текстов на нем с сохранением его фонетических, морфологических и лексических особенностей. В условиях, когда носители исчезающих языков пытаются сохранить родной язык методами письменной самофиксации, профессиональная документация рукописей способствует лингвистически обоснованной подаче национальных текстов. Материалы, расшифрованные и подготовленные лингвистами, могут служить образцами записи национальных текстов для заинтересованных в сохранении языка представителей исчезающих этносов.

Учитывая, что бесписьменные языки находятся на грани исчезновения, любые публикации на них имеют и лингвистическое, и социокультурное значение, поэтому при публикации рукописей на языках, имеющих статус бесписьменных, целесообразно представлять текст в двух вариантах: авторском (с полным сохранением особенностей самозаписи) и лингвистическом, учитывающем фонетические, морфологические и исторические закономерности данного языка. Экспериментальный образец оформления национального рукописного текста в двух сопоставимых вариантах представлен в табл. 6.

Таблица 6

Примеры оформления чалканских рукописных текстов
в сборнике «Языки народов Сибири и Дальнего Востока
в рукописях XX века»⁸

Table 6

Samples of Chalkan Written Texts in the Anthology
Languages of Siberia and the Far East in 20th Century Handwritten Sources

Текст в авторской записи	Лингвистический отредактированный текст	Перевод
<i>Койыч чалган, кушкаштер ёётин понер, је кенеткеле теҗреде кара пулуттар катычкен ньянмыр јаах чыккан.</i>	<i>Койыц щалгын, кушкаштыр ёётин поныр, тье кенеткеле теҗреде кара пулуттыр катыцкып ньанмыр тьяаг чыкын.</i>	Светило солнышко, пели птицы, но вдруг на небе собрались черные тучи и пошел дождь.

Параллельная публикация авторского и лингвистического вариантов записи национального текста позволяет избежать негативного эффекта навязываемой письменности.

В течение XX в. практиковалось директивное введение готовых, разработанных лингвистами, графических и орфографических систем для младописьменных языков. Внедрение правил сверху должно было ускорить развитие национальной письменности, однако при таких условиях национальная орфография формировалась вне исторического контекста развития языка, минуя первый этап становления письменности, когда носители языка занимают активную позицию и ищут разные способы передачи собственной речи на письме. Как показала история младописьменных языков,

⁸ Языки народов Сибири и Дальнего Востока в рукописях XIX – XX веков. Новосибирск: Академическое издательство «Гео», 2020 (в печати).

наличие нормированной орфографии не всегда является гарантом устойчивой письменной традиции⁹. Становление орфографии требует времени, и любая публикация так или иначе воздействует на утверждение национальной письменной традиции.

Задача лингвистов – предложить и обосновать логичную, единообразную систему графики и орфографии бесписьменного языка, однако для исчезающих языков фиксация и публикация записей на них как в авторском исполнении, так и в лингвистически редактируемом варианте имеет огромную ценность, поскольку документированные устные и письменные тексты являются достоверным источником для изучения, сохранения и развития языковой и этнокультурной традиции.

Список литературы

Алтайский фольклор: Сборник устного народного творчества / Сост. Е. П. Кандаракова. Горно-Алтайск, 1988. 216 с.

Байыр-оол А. В. Языковые особенности тувинских текстов на латинской графике (1930–1941) // Сибирский филологический журнал. 2019. № 1. С. 193–202.

Баскаков Н. А. Северные диалекты алтайского (ойротского) языка. Диалект лебединских татар-чалканцев (куу – кижин). М.: Наука, 1985. 233 с.

Баскаков Н. А. К вопросу о классификации тюркских языков // Изв. АН СССР. Отд-ние литературы и языка. М., 1952. Т. 11, вып. 2. С. 121–134.

Бешенкова Е. В. Вариативность в орфографии // Вестник Тамбов. гос. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2008. № 2 (58). С. 194–202.

Богоявленская А. П. Топонимический словарь коряков севера Тигильского района. Петропавловск-Камчатский: ВЕКА, 2019. 72 с.

Бурлак С. А., Старостин С. А. Сравнительно-историческое языкознание. М.: Академия, 2005. 432 с.

Бурькин А. А. Проблемы письменности и письменных языков малочисленных народов Севера РФ на современном этапе // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2014. № (9). С. 63–65.

Волков А. А. Грамматология. Семиотика письменной речи. М.: Изд-во МГУ, 1982. 172 с.

Жукова А. Н. Язык паланских коряков. Л., 1980. 288 с.

Казакевич О. А., Кибрик А. Е. Малые языки на постсоветском пространстве // Проблемы социального развития, образования, традиционного природопользования и сохранения языков коренных народов Камчатского

⁹ В частности, разработанная в 1960-е гг. графика корякского языка до сих пор отвергается этническими коряками как крайне неудачная, непонятная, поэтому они не используют ее для записи своей национальной речи и разрабатывают индивидуальные способы графического оформления текстов на корякском языке [Тынетэгин, 2019].

края: Сб. материалов Междунар. науч.-практ. семинара (22–23 октября 2008 г.). Петропавловск-Камчатский: КамчатГТУ, 2010. С. 25–42.

Кандаракова А. М. Тандак. Горно-Алтайск, 2008. 128 с.

Кандаракова А. М. Песни челканского народа. СПб., 2013. 88 с.

Кандаракова А. М. Судьбы пожилых и молодых: Пьеса на челканском, алтайском и русском языках. СПб., 2016а. 55 с.

Кандаракова А. М. Сказки, советы бабушки Билвезек. СПб., 2016б. 23 с.

Кандаракова Е. П. Азбука. Горно-Алтайск, 2013. 99 с.

Кандаракова Е. П. Сказки чалканцев. Горно-Алтайск, 2016. 256 с.

Кандаракова Е. П. Малый жанр фольклора чалканцев. Горно-Алтайск, 2017. 96 с.

Кибрик А. Е., Кодзасов С. В., Муравьева И. А. Язык и фольклор алыторцев. М.: ИЛИ РАН, «Наследие», 2000. 469 с.

Килпалин К. Г'амто тийкытий! 'Здравствуй, солнце!' / Пер. на коряк. яз. М. Ф. Икавав. Петропавловск-Камчатский: Госиздат, 1986. 32 с.

Килпалин К. Аня: Сказки Севера / Ред. корякского текста М. И. Попов. Петропавловск-Камчатский: РИО КОТ, 1993. 134 с.

Килпалин: Живопись, проза, письма, воспоминания / Ред. В. М. Нутаяулгин. Петропавловск-Камчатский: Камчатпресс, 2010. 316 с.

Красная книга языков народов России: Энциклопедический словарь-справочник / Гл. ред. В. П. Нерознак. М., 1994. 119 с.

Мальцева А. А. Диалекты алыторского языка: современное состояние // Языковая ситуация и коммуникативные стратегии: Материалы Всерос. науч.-метод. конф. / Отв. ред. Т. Р. Рыжикова. Новосибирск, 2006. С. 156–164.

Мальцева А. А. Морфология глагола в алыторском языке. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. 252 с.

Мифологические сказки о Вороне / Сост. А. А. Гончарова, М. Е. Беляева; ред. А. А. Сорокин. Н. Новгород: ИП Кузнецов, 2017. 200 с.

Михальченко В. Ю. Введение // Письменные языки мира: Языки Российской Федерации. Социолингвистическая энциклопедия. М.: Academia, 2003. Кн. 2. С. IX–XXVIII.

Молл Т. А. Корякско-русский словарь / Под. ред. И. С. Вдовина. Л.: Учпедгиз, 1960. 237 с.

Нагаяма Ю. Очерк грамматики алыторского языка. Осака, 2003. 314 с.

Нагаяма Ю. Материалы по языку нымыланов-алыторцев. Саппоро, 2015. 83 с.

Нагаяма Ю., Пронина Е. П. Проблемы алыторской орфографии // Языки малочисленных народов России: устное vs письменное: Тез. докл. Междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 4–6 декабря 2017 г.) СПб.: ИЛИ РАН, 2017. С. 50–51.

Немысоева Е. А., Кошкарева Н. Б., Соловар В. Н. Правила хантыйской орфографии: Справочник. Ханты-Мансийск: Югорский формат, 2014. 164 с.

Письменные языки мира: языки Российской Федерации. Социолингвистическая энциклопедия. М.: Academia, 2003.

Пауль Г. Принципы истории языка / Пер. с нем. А. А. Холодовича. М.: Изд-во иностр. лит., 1960. 499 с.

Пустогачева О. Н. Челканско-русский тематический словарь: Пособие для учащихся 1-4 кл. общеобраз. Учрежд. СПб., 2008. 11 с.

Пустогачева О. Н. Бичиктöскö шалғануғ тилле қожулта. Горно-Алтайск, 2014. 81 с.

Радлов В. В. Образцы народной литературы тюркских племен. Поднаречия Алтая: алтайцев, телеутов, черных и Лебединских татар, шорцев и саянцев. СПб., 1866.

Сорокин А. А. Народная проза: сказки, дошедшие до нас // «Из глубин земли Камчатки...» Фольклорно-этнографические экспедиции в Карагинский район: этнографический сборник / Сост. М. Е. Беляева. Н. Новгород, 2015. С. 22–34.

Сорокин А. А. Народная проза: сказки, дошедшие до нас // «Из глубин земли Камчатки...» Фольклорно-этнографические экспедиции в Олюторский район: этнографический сборник / Сост. М. Е. Беляева, А. А. Сорокин. Петропавловск-Камчатский: Камчатпресс, 2016. С. 15–32.

Стебницкий С. Н. Нымланский (коряцкий) язык // Языки и письменность народов Севера / Под ред. Е. А. Крейновича. М.; Л.: Учпедгиз, 1934. Ч. 3: Языки и письменность палеоазиатских народов. С. 47–83.

Сумачакова М. В. Чакайак: Чечегеш: Цветочек. Новосибирск, 2005. 32 с.

Трушкова Ю. В. Алюторский язык // Письменные языки мира: Языки Российской Федерации. Социолингвистическая энциклопедия. М.: Academia, 2003а. Кн. 2. С. 26–36.

Трушкова Ю. В. Корякский язык // Письменные языки мира: Языки Российской Федерации. Социолингвистическая энциклопедия. М.: Academia, 2003б. Кн. 2. С. 253–276.

Тынетэгин Н. И. Авторский словарь чавчувенского диалекта корякского языка, составленный уроженцем с. Таловка Пенжинского района Камчатского края. Петропавловск-Камчатский, 2019. 68 с. (на правах рукописи)

Федина Н. Н., Широбокова Н. Н. Фонетические и морфологические особенности чалканского языка. Новосибирск: Академиздат, 2019. 192 с.

Языки народов России. Красная книга: Энциклопедический словарь-справочник. М.: Academia, 2002. 378 с.

Список сокращений

ПМ Н. Н. Феединой¹⁰ - полевые материалы Н. Н. Феединой (2015–2019), самозаписи на чалканском языке: Марьяны Владимировны Сумачаковой, 1978 г. р., уроженки с. Курмач-Байгол Республики Алтай (самозапись 2015-2019 гг.); Валентины Яковлевны Сумачаковой, 1955 г. р., уроженки с. Курмач-Байгол Республики Алтай (самозапись 2015-2017 гг.), Инны Михайловны Пустогачевой, 1971 г. р., уроженки с. Курмач-Байгол Республики Алтай (самозапись 2017 г.)

Article metadata

Title: Written Texts in Unwritten Languages as a Sociolinguistic Phenomenon (On the Material of the Chalkan and Alyutor Languages)

Authors: T. A. Golovaneva, N. N. Fedina

Authors' e-mail: gta-77@mail.ru, natfedina@yandex.ru

Authors' affiliation: Institute of Philology SB RAS (Novosibirsk, Russian Federation)

Abstract. The Chalkan and Alyutor languages are not related, however their current conditions are similar, meaning that they exist in comparable sociolinguistic environments of uneven bi- and trilingualism. The writing systems of these unwritten languages are still being developed, which is being further complicated by the influence of the writing norms of the dominant languages. The handwritten and published materials in Chalkan and Alyutor demonstrate the variety in graphic forms of national texts. The choice of graphemes for the specific sounds of national speech is also a major issue. For the Alyutor writing system, the graphic representations of the super-short vowel [ə], the fricative [ɣ], the glottal stop [ʔ] and the epiglottal stop [ʕ] have not yet been developed. In the following article, we present the analysis of three versions of Alyutor writing systems developed by native Alyutor speakers M. I. Popov, M. V. Nutayulgin, A. A. Sorokin. The problem of graphic variety of the written form of the Chalkan languages stems from the following two reasons: the absence of graphemes for specific Chalkan sounds *ɣ* [ɣ_ɣ], *ɣʕ* [ʕ^ɣ], *q* [q], *n* [n'] and the influence of the Standard Altai orthographic norms.

When handwritten texts in unwritten languages are being prepared for publication, it is perhaps necessary to present the texts in two forms: the author's version (preserving its individual traits) and the linguistic version, including the phonetic, morphological, and historical trends typical for this language. In our

¹⁰ Полевое исследование проведено при поддержке Российского научного фонда (проект № 17-78-20185) «Текст в культуре этноса как фактор сохранения идентичности народов сибирско-дальневосточного региона» (рук. Н. Н. Феединой).

article, we offer an experimental sample of a national handwritten text in two comparable versions.

Keywords: Turkic languages, Chalkan language, Chukotko-Kamchatkan languages, Alyutor language, unwritten language, minor languages, disappearing languages, revitalization of languages, linguistic behavior, writing system.

DOI 10.25205/2307-1737-2020-2-167-190

Reference literature (in transliteration):

Altajskij fol'klor: Sbornik ustnogo narodnogo tvorchestva [Altai Folklore: An Anthology of Oral Folklore]. Comp. by E. P. Kandarakova. Gorno-Altajsk, 1988, 216 p. (in Russ.)

Baskakov N. A. K voprosu o klassifikatsii tyurkskikh yazykov [On the Issue of Classification of Turkic Languages]. In: *Izvestiya AN SSSR. Otdelenie literatury i jazyka* [AS USSR Bulletin. Literature and Language Department]. Moscow, 1952, vol. 11, iss. 2, p. 121–134. (in Russ.)

Baskakov N. A. Severnye dialekty altajskogo (ojrotskogo) yazyka. Dialekt lebedinskikh tatar-chalkantsev (kuu – kizhi) [Northern Altai (Oirat) Dialects. Lebedin Tatar-Chalkan (Kuu – Kizhi) Dialect.]. Moscow, Nauka, 1985, 233 p. (in Russ.)

Bayyr-ool A. V. Yazykovye osobennosti tuvinskih tekstov na latinskoj grafike (1930–1941) [Linguistic traits of Tuvan texts in Latin script (1930–1941)]. *Siberian Journal of Philology*, 2019, no. 1, p. 193–202. (in Russ.)

Beshenkova E. V. Variativnost' v orfografii [Variativnost' v orfografii]. *Tambov University Bulletin. Series: Humanities*, 2008, no. 2 (58), p. 194–202. (in Russ.)

Bogoyavlenskaya A. P. Toponimicheskij slovar' koryakov severa Tigil'skogo rajona [Toponymical Koryak Dictionary of the Northern Tigil Region]. Petro-pavlovsk-Kamtchatskii: VEKA, 2019, 72 p. (in Russ.)

Burlak S. A., Starostin S. A. Sravnitel'no-istoricheskoe jazykoznanie [Historical and Comparative Linguistics]. Moscow, Academia Publ., 2005, 432 p. (in Russ.)

Burykin A. A. Problemy pis'mennosti i pis'mennykh yazykov malochislennykh narodov Severa RF na sovremennom etape [Issues of Writing Systems and Writing Languages of Minor Peoples of Northern Russia in Modern Times]. *Severo-Vostochnyj gumanitarnyj vestnik* [Northern-Eastern Bulletin of Humanities], 2014, no. 9, p. 63–65. (in Russ.)

Fedina N. N., Shirobokova N. N. Foneticheskie i morfologicheskie osobennosti chalkanskogo Yazyka [Phonetic and Morphological Traits of the Chalkan Language]. Novosibirsk, Akademizdat, 2019, 192 p. (in Russ.)

Kandarakova A. M. Pesni chelkanskogo naroda [Songs of the Chelkan People]. St. Petersburg, 2013, 88 p. (in Russ.)

Kandarakova A. M. Skazki, sovety babushki Bilvezek. St. Petersburg, 2016, 23 p. (in Russ.)

Kandarakova A. M. Sud'by pozhilykh i molodykh: P'esa na chelkanskom, altajskom i russkom yazykakh [Fates of the Old and the Young: A Play in Chalkan, Altai, and Russian]. St. Petersburg, 2016, 55 p. (in Chalkan, Altai, and Russian)

Kandarakova E. P. Azbuka [ABC]. Gorno-Altaysk, 2013, 99 p. (in Russ.)

Kandarakova E. P. Malyj zhanr fol'klora chalkantsev [Small Forms of Chalkan Folklore]. Gorno-Altaysk, 2017, 96 p. (in Russ.)

Kandarakova E. P. Skazki chalkantsev [Chalkan Fairy-Tales]. Gorno-Altaysk, 2016, 256 p. (in Russ.)

Kandarakova A. M. Tardak [Dawn]. Gorno-Altaysk, 2008, 128 p. (in Chalkan)

Kazakevich O. A., Kibrik A. E. Malye yazyki na postsovetskom prostranstve [Minor Languages in Post-Soviet Space]. In: Problemy sotsial'nogo razvitiya, obrazovaniya, traditsionnogo prirodopol'zovaniya i sokhraneniya yazykov korennykh narodov Kamchatskogo kraya [Problems of Social Development, Education, Traditional Nature Usage, and Preservation of Indigenous Languages of Kamchatka]. Anthology of the International Academic and Practical Seminar (October 22–23, 2008). Petropavlovsk-Kamchatskii, KamchatSTU, 2010, p. 25–42. (in Russ.)

Kibrik A. E., Kodzasov S. V., Murav'eva I. A. Yazyk i fol'klor alyutorshev [Alyutor Language and Folklore]. Moscow, ILI RAS, Nasledie, 2000, 469 p. (in Russ.)

Kilpalin K. Anja: Skazki Severa [Northern Tales] Koryak text ed. by M. I. Popov. Petropavlovsk-Kamchatskii, RIO KOT, 1993, 134 p. (in Russ. and Koryak)

Kilpalin K. G'amto tijkytij! 'Zdravstvuj, solnce!' [Hello, Sun!] / Trans. into Koryak by M. F. Ikavav. Petropavlovsk-Kamchatskii, Gosizdat, 1986, 32 p. (in Koryak)

Kilpalin: Zhivopis', proza, pis'ma, vospominaniya [Art, Prose, Letters, Memoirs]. Petropavlovsk-Kamchatskii, Kamchatpress, 2010, 316 p. (in Russ.)

Krasnaya kniga yazykov narodov Rossii [The Red Book of Indigenous Languages of Russia]. An Encyclopedic Dictionary. Ed. by V. P. Neroznak. Moscow, 1994, 119 p. (in Russ.)

Maltseva A. A. Morfologiya glagola v alyutorskom yazyke [Alyutor Verb Morphology]. Novosibirsk, Siberian Chronograph, 1998, 252 p. (in Russ.)

Maltseva A. A. Dialekty alyutorskogo yazyka: sovremennoe sostoyanie [Alyutor Dialects: Their Modern State]. In: Yazykovaya situatsiya i kommunikativnye strategii [Linguistic Situation and Communicative Strategies]. Materials of the All-Russian Academic and Methodical Conference. Ed. by T. R. Ryzhikova. Novosibirsk, NSU Publ., 2006, p. 156–164. (in Russ.)

Mifologicheskie skazki o Vorone [Mythological Tales of the Raven]. Comp. by A. A. Goncharova, M. E. Belyaeva. Nizhnii Novgorod, IF Kuznetsov, 2017, 200 p. (in Russ.)

Mihalchenko V. Yu. Vvedenie [Introduction]. In: Pis'mennye yazyki mira: Yazyki Rossijskoj Federatsii. Sotsiolingvisticheskaya entsiklopediya [Written Languages of the World: Languages of the Russian Federation. A Sociolinguistic Encyclopedia]. Moscow, Academia, 2003, book 2, p. IX–XXVIII. (in Russ.)

Moll T. A. Koryasko-russkij slovar' [Koryak-Russian Dictionary]. Ed. by I. S. Vdovin. Leningrad, Uchpedgiz, 1960, 237 p. (in Russ.)

Nagayama Yu. Materialy po yazyku nymylanov-alyutortsev [Nymylan-Alyutor Language Materials]. Sapporo, 2015, 83 p. (in Russ.)

Nagayama Yu. Oчерк grammatiki alyutorskogo yazyka [A Review of Alyutor Grammar]. Osaka, 2003, 314 p. (in Russ.)

Nagayama Yu., Pronina E. P. Problemy alyutorskoj orfografii [Problems of Alyutor Orthography]. In: Yazyki malochislennykh narodov Rossii: ustnoe vs pis'mennoe [Languages of Minor Peoples of Russian: the Oral vs. the Written]. Works of the International Academic Conference (St. Petersburg, December 4–6, 2017). St. Petersburg, ILIRAS, 2017, p. 50–51. (in Russ.)

Nemysoeva E. A., Koshkareva N. B., Solovar V. N. Pravila khantyjskoj orfografii [Rules of Khanty Spelling]. A Reference Book. Khanty-Mansiisk, Yugorskii format, 2014, 164 p. (in Russ.)

Paul G. Printsipy istorii yazyka [Principles of Language History]. Trans. from German by A. A. Kholodovich. Moscow, Izd. inostr. lit., 1960, 499 p. (in Russ.)

Pustogacheva O. N. Bichiktöskö shalfanur tille kozhulta [ABC]. Gorno-Altai, 2014, 81 p. (in Chalkan)

Pustogacheva O. N. Chelkansko-russkij tematiceskij slovar' [Chelkan-Russian Thematic Dictionary]. A Reference Book for Grades 1–4 of Public Schools. St. Petersburg, 2008, 11 p. (in Russ.)

Radlov V. V. Obraztsy narodnoj literatury tyurkskikh plemen. Podnarechiya Altaya: altajtsev, teleutov, chernenykh i Lebedinskikh tatar, shortsev i sayantsev [Samples of folk literature of Turkic tribes. The Altai Sub-Region: Altai, Teleuts, Blackened and Lebedinsky Tatars, Shors and Sayans]. St. Petersburg, 1866. (in Russ.)

Sorokin A. A. Narodnaya proza: skazki, doshedshie do nas [Folk Prose: Fairy-Tales That Have Been Preserved]. In: “Iz glubin zemli Kamchatki...” Fol'klorno-etnograficheskie jekspeditsii v Olyutorskij rajon [From the Depths of Kamchatka... Folkloristic and Ethnographic Trips to the Olyutorskii Region]. An Ethnographic Anthology. Comp. by M. E. Belyaeva, A. A. Sorokin. Petropavlovsk-Kamchatskii: Kamchatpress, 2016, p. 15–32. (in Russ.)

Sorokin A. A. Narodnaya proza: skazki, doshedshie do nas [Folk Prose: Fairy-Tales That Have Been Preserved]. In: “Iz glubin zemli Kamchatki...” Fol'klorno-etnograficheskie ekspeditsii v Karaginskij rajon [From the Depths of Kamchatka... Folkloristic and Ethnographic Trips to the Karaginskii Region]. An Ethnographic Anthology. Comp. by M. E. Belyaeva. Nizhnii Novgorod, 2015, p. 22–34. (in Russ.)

Stebnitsky S. N. Nymlanskij (koryackij) yazyk [Nymlan (Koryak) Language]. In: Yazyki i pis'mennost' narodov Severa [Languages and Writing Systems of the Northern Peoples]. Ed. by E. A. Kreinovich. Moscow, Leningrad, Uchpedgiz, 1934, part 3: Languages and Writing Systems of Paleo-Asian Peoples, p. 47–83. (in Russ.)

Sumachakova M. V. Chakajak: Chechegesh: Tsvetochek [Little Flower]. Novosibirsk, 2005, 32 p. (in Russ.)

Trushkova Yu. V. Alyutorskij yazyk [The Alyutor Language]. In: Pis'mennye yazyki mira: Yazyki Rossijskoj Federatsii. Sotsiolingvisticheskaya entsiklopediya [Written Languages of the World: Languages of the Russian Federation. A Sociolinguistic Encyclopedia]. Moscow, Academia, 2003, book 2, p. 26–36. (in Russ.)

Trushkova Yu. V. Koryakskij yazyk [The Koryak Language]. In: Pis'mennye yazyki mira: Yazyki Rossijskoj Federatsii. Sotsiolingvisticheskaya entsiklopediya [Written Languages of the World: Languages of the Russian Federation. A Sociolinguistic Encyclopedia]. Moscow, Academia, 2003, book 2, p. 253–276. (in Russ.)

Tynetjegin N. I. Avtorskij slovar' chavchuvenskogo dialekta koryakskogo yazyka, sostavlennyj urozhentsem s.vTalovka Penzhinskogo rajona Kamchatskogo kraYa [Dictionary of the Chavchoven Dialect of the Koryak Language Compiled by the Dweller of the v. Talovka, Penzhin Region, Kamchatka Krai]. Petropavlovsk-Kamchatskii, 2019, 68 p. (manuscript). (in Russ.)

Volkov A. A. Grammatologiya. Semiotika pis'mennoj rechi [Grammatology. Semiotics of Written Speech]. Moscow, MSU Publ., 1982, 172 p. (in Russ.)

Yazyki narodov Rossii. Krasnaya kniga. Entsiklopedicheskij slovar'-spravochnik [Languages of the Peoples of Russia. The Red Book. An Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Academia, 2002, 378 p. (in Russ.)

Zhukova A. N. Yazyk palanskikh koryakov [Palan Koryak Language]. Leningrad, 1980, 288 p. (in Russ.)